

ИЗ РОМАНА — НА СЦЕНУ

ИНСЦЕНИРОВКА «ПОДНЯТОЙ ЦЕЛИНЫ»

На страницах нашей газеты было напечатано сообщение о том, что Московский театр имени А. С. Пушкина и Ростовский драматический театр приступили к репетиционной работе над инсценировкой второй части романа М. А. Шолохова «Поднятая целина». Читатели заинтересовались, что представляет собой эта инсценировка. В связи с этим мы публикуем сегодня статью, рассказывающую об инсценировке.

* * *

«ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА» М. Шолохова — книга жизни народной.

Целина живой земли, вспаханной, засеянной, обласканной людьми. И растревоженная целина человеческая.

Люди, в схватках с классовым врагом прокладывающие на своей земле путь в коммунизм. Страсти людские. Людские идеи — коммунистические идеи, которым эти страсти подчиняются и служат. Многое вмещается в поле зрения автора...

Вторая часть шолоховского романа, хотя и уходит своими корнями в часть первую, развивая и завершая судьбы ее героев, живет тем не менее своей, независимой жизнью.

Да, это самостоятельное произведение. Герои ее — коммунисты Давыдов, Нагульнов, Разметнов, вошедшие в новый, зрелый возраст души. Главное устремление их, основная жизненная задача — борьба за человека, за воспитание коммунистического сознания в народе.

Созидание нового, лучшего в человеке, преодоление в нем всего того, что держит его в прошлом, — вот главный пафос этой второй части романа, обеспечивающий его остро современное, сугубо сегодняшнее звучание. Поэтому такой необходимой и плодотворной оказалась мысль отдать этих героев сегодняшней сцене.

Поэтому и родилась «Поднятая целина» — драма в трех действиях по второй части одноименного романа — инсценировка П. Демина с автографом Михаила Шолохова на титульном листе.

Одно из основных достоинств этой пьесы то, что, стремясь быть предельно точной по отношению к роману, к его художественному и смысловому богатству, она живет жизнью не отраженной, а следовательно, и не обдненной (как это часто бывает в инсценировках), а имеет свое самостоятельное звучание, свой законченный драматургический облик.

Главный смысл второй, части романа, его лейтмотив — осознанная борьба Нагульнова и Давыдова — этих рыцарей революции — за коммунизм, активное вовлечение народа в процесс жизнестроительства, формирование в этом процессе самих человеческих душ.

Становление в человеке коммунистического сознания — цель, которой с яростью, с великой самоотверженностью отдают себя герои шолоховского романа.

Автор инсценировки, бережно относясь к шолоховскому слову, с огромной тщательностью драматургически организует все мотивы, обстоятельства жизни героев и мысли писателя, пусть даже мимоходом брошенные, которые в романе раскрывают в разных планах именно эту тему — борьбу за нового человека, поэзию общественной жизни.

Отсюда очень напряженный ритм этой общественной жизни, активно нарастающий драматизм действия. В центре внимания автора пьесы — действие не внешнее, не развитие сюжета, как такового, а движение характеров, стремление раскрыть психологические основы борьбы, которая составляет содержание шо-

лоховского произведения, не нарушая логики его развития.

Поэтому, несмотря на обилие эпизодов, на их частую смену, не возникает ощущения дробности действия, рыхлости его или незавершенности — просчетов, столь частых при попытках перевести про-записочное произведение в область драматургии. Наоборот, непрерывность развития его главной темы обеспечивает внутреннюю цельность, органичность действия, нарастание, усиление его поэтического звучания.

В ЦЕНТРЕ — два образа, два человеческих характера — Давыдов и Нагульнов. Два коммуниста — личности разные и потому дополняющие друг друга, делающие объемным и богатым единый образ большевика, воина революции. Образ, художественно убедительный, четкий, восхищающий глубочайшей чистотой и человечностью. Образ, по которому истосковалась современная пьеса.

Для возможно более полного, многогранного раскрытия характеров этих людей оказалось необходимым включить в инсценировку те сцены, в которых было бы очевидным все несходство, различность этих человеческих натур при их внутреннем родстве, при общности цели, которой они служат.

Мятежность духа Давыдова, нечеткость шага бросают его то в объятия Лушки, то прочь от нее. Яростные попытки уйти от себя, обрести покой в труде раскрываются в эпизодах на полевом стане, во встрече с секретарем райкома Нестеренко, во взаимоотношениях с полюбившей его Варей. Вот вехи развития этого обаятельного, очень земного характера.

А рядом Нагульнов с его покоряющей способностью к самоограничению, к отщепенности от всяких соблазнов, с органически свойственным ему, лишенным какой-либо позы аскетизмом борца.

В избенке, тускло освещенной семилинейной лампочкой, под ярким «благовестем» хуторских петухов Макар зубрил английский язык. И не почему-нибудь, а из расчета на мировую революцию, которая предоставит ему наконец возможность категорически, «без нежности» поговорить с «мировой контрай». И — сомнений быть не может — от Макара Нагульнова «контрай» помилования не ждать.

Преданность Нагульнова идеям партии, его одержимость в устремлении к цели диктуют ему соответствующий образ жизни. И дают власть над сердцами.

«Бабы для нас, революционеров, это, братец ты мой, чистый опиум для народа». А значит, «не надо баб» — вот первая его заповедь. Коммунисты, как солдаты одной роты, никогда не должны терять чувства локтя — вторая заповедь. И, наконец, иди на любое дело, куда ни пошлет тебя партия, — в этом заключается партийная честь.

Люди интуитивно тянутся к Давыдову и Нагульнову. Поэтому так значительны по смыслу все эпизодические встречи Давыдова с Варей (в них зарождение отношений, нимало не напоминающих банальный роман), и все сцены, в которых раскрываются отношения Нагульнова с Шукарем, пытающим по-ребячески трогательную привязанность к «Макарушке», испытывающим гордость оттого, что их дружба такая «агромадная».

Да и сам Шукарь предстает неожиданно в новом свете — не как комедийная фигура, а как глубоко лирический человек, чье одиночество, чья чистая привязанность к

«Макарушке» и искреннее желание разобраться в ходе истории должны вызвать в зрителе многое сердечного сочувствия к нему. Не случайно Шукарю в инсценировке дается возможность поговорить вслышать. И не только потому, что так обаятелен и живописен этот незадачливый старик во всех его сложных взаимоотношениях с миром (единоборство с драчливым козлом, прохождение курса наук по толковому словарю, несусветная путаница во взглядах), а главным образом потому, что за всей этой болтовней явственно проступает развитие характера шолоховского героя: процесс расставания Шукаря с собственническими и, казалось бы, такими прочными привычками. И вот уже поэзия вольной мысли бессребреника, чье хозяйство — «две чистенькие курочки да один петушок», властвует душой человеческой.

Вот для того чтобы возможно более полно предстало содержание борьбы коммунистов за человеческое в человеке, стало принципиально необходимым акцентировать те моменты в романе, где Шолохов промечает становление нового в людях, все сцены, увеличивающие стан коммунистов.

Поначалу может показаться, а нужна ли встреча Давыдова со строптивым, анархически настроенным казаком Устином Рыкиным? К чему все его балагурства и словесный поединок с Давыдовым? Не затягивают ли эти диалоги ритм инсценировки? А итог таков — Устин, который начал с того, что активно пытался подорвать авторитет Давыдова, пришел к тому, что неожиданно для себя самого оказался в первых рядах борцов за общее дело. Развитию этой темы служит и приход в партию Агафона Дубцова, Кондрата Майданникова как свидетельство роста сознательности, ответственности людей за будущее.

Сцена приема их в партию, пошолоховски живая, сердечная, полная глубокой мысли и народного юмора, — одна из центральных сцен пьесы. И это знаменательно.

В инсценировке П. Демина вообще нет упора на внешнюю эффективность, на все те, казалось бы, выигрышные для сцены моменты в сюжете, которые могли бы увести действие в область детектива или придать ему мелодраматический оттенок.

О том, как прощалась Лушка с убитым Тимофеем, а затем ушла на зорьке из хутора, в пьесе, как и в романе, рассказывает Давыдову Нагульнов. А разве не было сомнительно для автора инсценировки перевести эти сцены в иллюстративный план, наглядно показать, как все это «чувствительно» выглядело? Однако автор избежал этой опасности — и шире, глубже оказался психологический план пьесы. Стrophe, динамичнее ее внутренняя линия. Рельефнее предста-ла чистота взаимоотношений между друзьями коммунистами, степень их доверия друг к другу.

То же и с темой лирической. Все эпизоды, штрихи, разбросанные по роману и раскрывающие отношения Давыдова с женщинами: преодоление тяги Лушки, а затем возникновение тихой нежности к Варе, потребность помогать ее семье (сцена на полевом стане, объяснение в любви, сцена сватовства) вошли в инсценировку. Не для развлекательности, а для достижения одной достойной цели — глубже раскрыть внутренний мир коммуниста, логику его поведения. Показать весь народ в трудном движении вперед.

Поэтому и сцена схватки партизан с заговорщиками из подполья, сцена, в которой гибнут Давыдов и Нагульнов, при всей ее драматичности, не стала доминирующей. Она лаконична, строга. А главным осталась пафос жизнеутверждения, эпизоды, раскрывающие партийную деятельность этих людей.

КАК ПРУЖИНА, закручивается к финалу действие инсценировки. Восьмая картина — это

апофеоз жизни: помолвка Давыдова, появление на свет нового человека, предстоящая свадьба Разметнова. И тут же как юмористическая разрядка — известие о гибели драчливого козла, без которого во все обнинала жизнь бедного Шукаря. В крутом кипении жизни соседствует со смертью, с убийством «заготовщиков скота», но побеждает все же жизнь. Побеждает даже в эпилоге.

Обнесенные невысокой деревянной оградой могилы Давыдова и Нагульнова — на самом краю хутора, в поле, где море пшеницы и солнечного света.

Звучат шолоховские прощальные слова: «Вот и отпели донские славы дорогим моему сердцу Давыдову и Нагульнову, отшептала им поспевающая пшеница, отзвенела по камням безымянная речка, текущая откуда-то с верховьев Гремячего буерака... Вот и все!».

Поют гремячинские петухи... Эта музыка петушиного «хорала», с которой и начиналась пьеса, возвращается зрителей к первой встрече с Нагульновым.

«Ты слышишь, Макарушка? — спрашивает Шукарь, картизом вытирая слезы, — как в архиерейском соборе... как на смотре дивизии...».

«Пение петухов постепенно перерастает в звучание оркестра. Встает яркое летнее солнце. Степной утренний ветерок гонит желтые волны по бескрайнему, как море, пшеничному полю, подступающему к самым могилам». И нет горя. Есть ощущение благородства жизни, которая отдана людям.

Очень легко вместить в рамки инсценировки богатейшее содержание шолоховского романа. Да так, чтобы земля под ногами героев, небо над их головами и все, что их окружает, сохранило бы тепло и яркость живых шолоховских красок. И чтобы люди, их страдания, радости, надежды, и тот бой, который они ведут в мире за торжество коммунизма, — словом, все многообразие их жизни предстало бы как единое драматургическое целое.

И тем не менее в основном это достигнуто. Достигнуто потому, что автор инсценировки очень бережно, благоговейно подошел к произведению, стараясь не повредить природы его живой, тонкой ткани.

Думается, что в пьесе сохранена мудрая партийная мысль писателя, возвышенный строй души его коммунистов и многообразие человеческих судеб. И глубоко поэтическая интонация влюбленности в свою землю, в сердца людей, бьющиеся как одно сердце, в бесконечную талантливость народного характера.

Все то, что составляет силу и обаяние Михаила Шолохова — художника и мыслителя, — сообщает большое дыхание и инсценировке его романа.

И. ПАТРИКЕЕВА.

Северский тираж, 1963, Чижов

ИЗ РОМАНА — НА СЦЕНУ

На страницах нашей газеты было напечатано сообщение о том, что Московский театр имени А. С. Пушкина и Ростовский драматический театр приступили к репетиционной работе над инсценировкой второй части романа М. А. Шолохова «Поднятая целина». Читатели заинтересовались, что представляет собой эта инсценировка. В связи с этим мы публикуем сегодня статью, рассказывающую об инсценировке.

«ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА» М. Шолохова — книга жизни народной.

Целина живой земли, вспаханной, засеянной, обласканной людьми. И заструженная целина человеческая.

Люди, в схватках с классовым врагом прокладывающие на своей земле путь в коммунизм. Страсти людские. Людские идеи — коммунистические идеи, которым эти страсти подчиняются и служат. Многое вмещается в поле зрения автора...

Вторая часть шолоховского романа, хотя и уходит своими корнями в часть первую, развивая и завершая судьбы ее героев, живет тем не менее своей, независимой жизнью.

Да, это самостоятельное произведение. Герои ее — коммунисты Давыдов, Нагульнов, Разметнов, вошедшие в новый, зрелый возраст души. Главное устремление их, основная жизненная задача — борьба за человека, за воспитание коммунистического сознания в народе.

Созидание нового, лучшего в человеке, преодоление в нем всего того, что держит его в прошлом, — вот главный пафос этой второй части романа, обеспечивающий его остро современное, сугубо сегодняшнее звучание. Поэтому такой необходимой и плодотворной оказалась мысль отдать этих героев сегодняшней сцене.

Поэтому и родилась «Поднятая целина» — драма в трех действиях по второй части одноименного романа — инсценировка П. Демина с автографом Михаила Шолохова на титульном листе.

Одно из основных достоинств этой пьесы то, что, стремясь быть прецельно точной по отношению к роману, к его художественному и смысловому богатству, она живет жизнью не отраженной, а следовательно, и не обедненной (как это часто бывает в инсценировках), а имеет свое самостоятельное звучание, свой законченный драматургический облик.

Главный смысл второй части романа, его лейтмотив — осознанная борьба Нагульнова и Давыдова — этих рыцарей революции — за коммунизм, активное вовлечение народа в процесс жизнестроительства, формирование в этом процессе самих человеческих душ.

Становление в человеке коммунистического сознания — цель, которой с яростью, с великой самоутверженностью отдают себя герои шолоховского романа.

Автор инсценировки, бережно относясь к шолоховскому слову, с огромной тщательностью драматургически организует все мотивы, обстоятельства жизни героев и мысли писателя, пусть даже мимоходом брошенные, которые в романе раскрывают в разных планах именно эту тему — борьбу за нового человека, поэзию общественной жизни.

Отсюда очень напряженный ритм этой общественной жизни, активно нарастающий драматизм действия. В центре внимания автора пьесы — действие не внешнее, не развитие сюжета, как такового, а движение характеров, стремление раскрыть психологические основы борьбы, которая составляет содержание шо-

ИНСЦЕНИРОВКА «ПОДНЯТОЙ ЦЕЛИНЫ»

шолоховского произведения, не нарушая логики его развития.

Поэтому, несмотря на обилие эпизодов, на их частую смену, не возникает ощущения дробности действия, рыхлости его или незавершенности — просчетов, столь частых при попытках перевести прозаическое произведение в область драматургии. Наоборот, непрерывность развития его главной темы обеспечивает внутреннюю цельность, ограниченность действия, нарастание, усиление его поэтического звучания.

В ЦЕНТРЕ — два образа, два человеческих характера — Давыдов и Нагульнов. Два коммуниста — личности разные и потому дополняющие друг друга, делающие объемным и богатым единый образ большевика, воина революции. Образ, художественно убедительный, четкий, восхищающий глубочайшей чистотой и человечностью. Образ, по которому истосковалась современная пьеса.

Для возможно более полного, многогранного раскрытия характеров этих людей оказалось необходимым включить в инсценировку те сцены, в которых было бы очевидным все несходство, разность этих человеческих натура при их внутреннем родстве, при общности цели, которой они служат.

Матежность духа Давыдова, нечеткость шага бросают его то в объятия Лушки, то прочь от нее. Яростные попытки уйти от себя, обрести покой в труде раскрываются в эпизодах на полевом стане, во встрече с секретарем райкома Нестеренко, во взаимоотношениях с полюбившей его Варей. Вот вехи развития этого обаятельного, очень земного характера.

А рядом Нагульнов с его покоряющей способностью к самоограничению, к отрешенности от всяких соблазнов, с органической свойственным ему, лишенным какой-либо позы аскетизмом борца.

В избение, тускло освещенной семилинейной лампой, под яростный «благовест» куторских петухов Макар зубрит английский язык. И не почему-нибудь, а из расчета на мировую революцию, которая предоставит ему наконец возможность категорически, «без нежности» поговорить с «мировой контроль». И — сомнений быть не может — от Макара Нагульнова «контроль помилования не ждать».

Преданность Нагульнова идеям партии, его одержимость в устремлении к цели, диктуют ему соответствующий образ жизни. И дает власть над сердцами.

«Бабы для нас, революционеров, это, братец ты мой, чистый опиум для народа». А значит, «не надо баб» — вот первая его заповедь. Коммунисты, как солдаты одной роты, никогда не должны терять чувства локтя — вторая заповедь. И, наконец, иди на любое дело, куда ни пошлет тебя партия, — в этом заключается партийная честь.

Люди интуитивно тянутся к Давыдову и Нагульнову. Поэтому так значительны по смыслу все эпизодические встречи Давыдова с Варей (в них зарождение отношений, нимало не напоминающих банальный роман), и все сцены, в которых раскрываются отношения Нагульнова с Шукарем, питающим по-ребячески трогательную привязанность к «Макарушке», испытывающим гордость оттого, что их дружба такая «агромадная».

Да и сам Шукарь предстает неожиданно в новом свете — не как комедийная фигура, а как глубоко лирический человек, чье одиночество, чья чистая привязанность к

«Макарушке» и искреннее желание разобраться в ходе истории должны вызвать в зрителе многое сердечного сочувствия к нему. Не случайно Шукарю в инсценировке дается возможность поговорить вслух. И не только потому, что так обаятелен и живописен этот незадачливый старик во всех его сложных взаимоотношениях с миром (единоборство с драчливым козлом, прохождение курса наук по толковому словарю, несусветная путаница во взглядах), а главным образом потому, что за всей болтовней явственно проступает развитие характера шолоховского героя: процесс расставания Шукаря с собственническими и, казалось бы, такими прочными привычками. И вот уже поэзия沃尔льных мыслей бессребреника, чье хозяйство — «две чистенькие курочки да один петушок», влекет душу человеческую.

Вот для того чтобы возможно более полно предстало содержание борьбы коммунистов за человеческое в человеке, стало принципиально необходимым акцентировать те моменты в романе, где Шолохов промечает становление нового в людях, все сцены, увеличивающие честь коммунистов.

Поначалу может показаться, а нужна ли встреча Давыдова со строптивым, анархически настроенным казаком Устином Рыклиным? К чему все его балагуруства и словесный поединок с Давыдовым? Не затягивают ли эти диалоги ритм инсценировки? А итог таков — Устин, который начал с того, что активно пытался подорвать авторитет Давыдова, пришел к тому, что неожиданно для себя самого оказался в первых рядах борцов за общее дело. Развитию этой темы служит и приход в партию Агафона Дубцова, Кондрата Майданникова как свидетельство роста сознательности, ответственности людей за будущее.

Сцена приема их в партию, по-шолоховски живая, сердечная, полная глубокой мысли и народного юмора, — одна из центральных сцен пьесы. И это знаменательно.

В инсценировке П. Демина вообще нет упора на внешнюю эффективность, на все те, казалось бы, выигрышные для сцены моменты в сюжете, которые могли бы увести действие в область детектива или придать ему мелодраматический оттенок.

О том, как прощалась Лушка с убитым Тимофеем, а затем ушла на зорьке из хутора, в пьесе, как и в романе, рассказывает Давыдову Нагульнов. А разве не было соизначительно для автора инсценировки перевести эти сцены в иллюстративный план, наглядно показать, как все это «чувствительно» выглядело? Однако автор избежал этой опасности — и шире, глубже оказался психологический план пьесы.

Строгое, динамичнее ее внутренняя линия. Рельефнее предстала чистота взаимоотношений между друзьями коммунистами, степень их доверия друг к другу.

То же и с темой лирической. Все эпизоды, штрихи, разбросанные по роману и раскрывающие отношения Давыдова с женщинами: преодоление тяги к Лушке, а затем возникновение тихой нежности к Варе, потребность помогать ее семье (сцена на полевом стане, объяснение в любви, сцена сватовства) вошли в инсценировку. Не для развлекательности, а для достижения одной достойной цели — глубже раскрыть внутренний мир коммуниста, логику его поведения. Показать весь народ в трудном движении вперед.

Поэтому и сцена схватки партийцев с заговорщиками из подполья, сцена, в которой гибнут Давыдов и Нагульнов, при всей ее драматичности, не стала доминирующей. Она лаконична, строга. А главным осталась пафос жизнеутверждения, эпизоды, раскрывающие партийную деятельность этих людей.

КАК ПРУЖИНА, закручивается к финалу действие инсценировки. Восьмая картина — это

апофеоз жизни: помолвка Давыдова, появление на свет нового человека, предстоящая свадьба Разметнова. И тут же как юмористическая разрядка — известие о гибели драчливого козла, без которого во все обнинала жизнь бедного Шукаря. В крутом кипении жизнь соседствует со смертью, с убийством «заговорщиков скота», но побеждает все же жизнь. Побеждает даже в эпилоге.

Обнесенные невысокой деревянной оградой могилы Давыдова и Нагульнова — на самом краю хутора, в поле, где море пшеницы и солнечного света.

Звучат шолоховские прощальные слова: «Вот и отпели донские соловьи дорогим моему сердцу Давыдову и Нагульнову, отшептала им поспевающая пшеница, отзненела по камням безымянная речка, текущая откуда-то с верховьев Гремячего буерака... Вот и все!»

Поют гремячинские петухи... Эта музыка петушиного «хорала», с которой и начиналась пьеса, возвращающая зрителей к первой встрече с Нагульновым.

«Ты слышишь, Макарушка? — спрашивает Шукарь, картузом вытирая слезы, — как в архиерейском соборе... как на смотре дивизии...»

«Пение петухов постепенно перерастает в звучание оркестра. Встает яркое летнее солнце. Степной утренний ветерок гонит желтые волны по бескрайнему, подступающему к самым могилам». И нет горя. Есть ощущение благородства жизни, которая отдана людям.

Очень нелегко вместить в рамки инсценировки богатейшее содержание шолоховского романа. Да так, чтобы земля под ногами героя, небо над их головами и все, что их окружает, сохранило бы тепло и яркость живых шолоховских красок. И чтобы люди, их страдания, радости, надежды, и тот бой, который они ведут в мире за торжество коммунизма, — словом, все многообразие их жизни предстало бы как единое драматургическое целое.

И тем не менее в основном это достигнуто. Достигнуто потому, что автор инсценировки очень бережно, благоговейно подошел к произведению, стараясь не повредить природы его живой, тонкой ткани.

Думается, что в пьесе сохранена мудрая партийная мысль писателя, возвышенный строй души его коммунистов и многообразие человеческих судеб. И глубоко поэтическая интонация влюбленности в свою землю, в сердца людей, бьющиеся как одно сердце, в бесконечную талантливость народного характера.

Все то, что составляет силу и обаяние Михаила Шолохова — художника и мыслителя, — сообщают большое дыхание и инсценировке его романа.

И. ПАТРИКЕЕВА.